

На правах рукописи

Холова Любовь Александровна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Астрахань – 2022

Диссертационная работа выполнена на кафедре культурологии факультета социальных коммуникаций Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева».

Научный руководитель:

Романова Анна Петровна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, директор
Института исследований проблем Юга
России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «АГУ им. В. Н. Татищева»

Официальные оппоненты:

Пивоев Василий Михайлович

доктор философских наук, профессор
кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин,
Северный институт (филиал) ФГБОУ
«Всероссийский государственный
университет юстиции»

Летняков Денис Эдуардович

кандидат политических наук, старший
научный сотрудник сектора истории
политической философии,
Институт философии РАН

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Новгородский
государственный университет имени
Ярослава Мудрого», кафедра философии,
культурологии и социологии

Защита состоится «27» апреля 2023 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета 24.2.318.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» по адресу: 295007, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, зал заседаний ученого совета (к. 301).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» по адресу: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4 и на сайте университета по ссылке: http://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/08/Диссертация_Холова-ЛА.pdf

Автореферат диссертации разослан « ____ » _____ 202_ г.

Ученый секретарь

диссертационного совета 24.2.318.05,
кандидат философских наук, доцент

_____ О. В. Зарапин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Информационное пространство в последнее время заполнено обсуждением проблем взаимоотношений прошлого и настоящего, трудностей межкультурной коммуникации и межличностных отношений, а также культурных конфликтов в текущей политической обстановке в стране и мире. Интерес к событиям прошлого и поиск своих корней становится общемировой тенденцией, так как современный мир всё более нестабилен и изменчив. Для современного российского общества одной из определяющих исторических вех явился распад СССР, повлёкший за собой кардинальные трансформации в социокультурной и политической сферах, приведший к возникновению постсоветского пространства и к масштабному кризису идентичности в бывших советских республиках.

Бывшие союзные республики, ранее участвовавшие в построении новой исторической общности – «советский народ», активно формируют свою государственность на основе конструирования новой национальной идентичности, построенной с учетом этнических и конфессиональных факторов и переосмысленной региональной истории. Данные процессы влекут за собой изменение вектора восприятия Чужого, трансформацию его образов, а как известно, образ Чужого всегда являлся лакмусовой бумагой, позволяющей определить состояние общества. Даже сам характер изменения образов, появление новых и исчезновение прошлых, смена ведущих маркеров «чужести» позволяют выявить основные векторы и проследить траекторию трансформации. Использование бинарной оппозиции Свой-Чужой всегда являлось одним из способов конструирования социальной реальности.

Необходимо учесть, что молодёжь так называемого постсоветского пространства вырастает уже в совершенно иной социальной реальности. Подрастающее поколение, рождённое в постсоветский период, не имеет эмоционального отношения и индивидуального опыта существования в советской действительности. Советское общество является для них прошлым, репрезентированным посредством массмедиа или воспоминаний родственников. Процесс самоидентификации в условиях дигитализации и глобализации происходит с установлением новых идеологических, гражданских, семейных,

карьерных ориентаций. Комплекс образов Чужого советской эпохи отличается от образов, появившихся в постсоветском пространстве, причём в отдельных регионах он имеет свою специфику, которая оказывает значительное влияние на построение модели отношений Свой-Чужой.

Степень научной разработанности проблемы.

Для исследования в рамках выбранной темы использовались философские, культурно-исторические, социологические, политические, психологические труды зарубежных и отечественных учёных.

Феномен Свой-Чужой рассматривался в работах Феномен Свой – Чужой рассматривался в работах Э. Гуссерля¹, М. Бубера², Г. Зиммеля³, Э. Левинаса⁴, Б. Вальденфельса⁵, П. Рикера⁶, Р. Штихве⁷. В концепции Б. Вальденфельса Чужой рассматривается вне условленной оппозиции Свой-Чужой, так как у него есть собственные причины и основания для существования. Ю. М. Лотман⁸ выводил семиотическую модель оппозиции Свой-Чужой. Амбивалентная сущность Чужого выявлена и описана в работах Р. Штихве.

Отдельные аспекты оппозиции Свой-Чужой рассмотрены в статьях отечественных исследователей Е. И. Балакиной⁹, Л. И. Казаковой¹⁰, М. Б. Красильниковой¹¹, В. Г. Лысенко¹², В. М. Пивоева¹³, Н. А. Черняк¹⁴, А. К. Якимовича¹⁵ и др. В коллективной монографии А. П. Романовой,

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.

² Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. школа, 1993. 175 с.

³ Зиммель Г. Экскурс о чужаке./ Пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.

⁴ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философ. шк., 1999. 530 с.

⁵ Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: ПроPILE, 1999. 176 с.

⁶ Рикер П. Я сам как Другой. М., 2008. 416 с.

⁷ Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / пер. с нем. Т.С. Головой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 41–53.

⁸ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175–193.

⁹ Балакина Е. И. Диалог как способ превращения «чужого» в «своё» // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 73–82.

¹⁰ Казакова Л. И. Многоаспектность проблемы «своих» и «чужих» в культурно-историческом процессе // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 21–23.

¹¹ Красильникова М. Б. «Своё» и «чужое» пространство в картине мира русской культуры при переходе от традиционного к нововременному периоду // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 39–48.

¹² Лысенко В. Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур. М., 2010. С. 90–102.

¹³ Пивоев В. М. «Свой» против «чужих»: (проблема героя в русской культуре) // «Своё» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. С. 14–20.

¹⁴ Черняк Н. А. Нужно ли преодолевать чужое? // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 17–19.

¹⁵ Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы Философии. 2003. № 4. С. 48–60.

Е. В. Хлыщевой, С. Н. Якушенкова и М. С. Топчиева¹⁶ трансформация представлений о Чужом рассматривается через призму угроз культурной безопасности. Авторы монографии вводят новые термины «постЧужой» и «неоЧужой». Позднее в монографии «Многоликий другой, инвариантность образов Другого/Чужого»¹⁷ они анализируют базовые маркеры чужести. На основе изучения концепций зарубежных и отечественных исследователей можно прийти к выводу, что в большинстве из них оппозиция Свой-Чужой рассматривается как основной фактор существования противоречий и противостояний в социуме и одновременно как основа межкультурных коммуникаций.

Следующим шагом в диссертационном исследовании становится обращение к проблематизации советского мира и постсоветского пространства, «советского человека» в его пространственно-временных рамках и социальной реальности. Данные аспекты поднимаются в работах А. Г. Дугина¹⁸, А. В. Малашенко¹⁹, А. Суздальцева²⁰, Л. Б. Брусиловской²¹, П. Вайль и А. Генис²², В. В. Волкова²³, Л. Д. Гудкова²⁴. Конструирование социальной реальности становится объектом изучения в работах зарубежных исследователей П. Бергера и Т. Лукмана²⁵, Ф. Коркюфа²⁶, Б. Верлена²⁷, А. Хеппа и Н. Коулдри²⁸ и отечественных

---

¹⁶ Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЕН), 2013. С. 215.

¹⁷ Многоликий Другой. Инвариантность образов Другого/Чужого / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева [и др.]. Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2018. 334 с.

¹⁸ Дугин А. Г. Геополитика постсоветского пространства. Доклад на семинаре Центра консервативных исследований 23 марта 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konservatizm.org> (Дата обращения 20.04.2020).

¹⁹ Малашенко А. В. Заметки о пространстве, именуемом постсоветским, и о том, что там делает Россия // Дружба народов. 2011. № 9. С. 135–152.

²⁰ Суздальцев А. И. Основные политические и социально-экономические проблемы постсоветского пространства // В кн.: Мировая политика / Сост.: И. Н. Тимофеев, Т. Махмутов, Е. Алексеенкова; под общ. ред.: С. В. Кортунов. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 396–446.; Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: уходящая реальность // В кн.: Мир вокруг России: 2017.; Контурь недалекого будущего / под общ. ред.: С. А. Караганов. М.: Культурная революция, 2007. С. 122—135.

²¹ Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфоза стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.

²² Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.

²³ Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: материалы международного симпозиума / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Интерцентр, 1997. С. 323–333.

²⁴ Гудков Л. Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте Левада-центра) // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2007. С. 398–436.

²⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

²⁶ Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.

исследователей Г. М. Никитина²⁹, Е. В. Цветкова³⁰, С. Н. Еланской³¹, С. П. Дуреева и Н. С. Дуреевой³², О. Е. Ионовой³³.

Поскольку исследование затрагивает тему культурной памяти и процесса ностальгирования в постсоветский период, особое значение для диссертации имели работы, связанные с исследованиями в сфере *Memories Studies*, теории поколений и публичной истории советского и постсоветского периодов. Диссертант обращается к работам М. Хальбвакса³⁴, А. Ассман³⁵, П. Нора³⁶, З. Баумана³⁷ и С. Бойм³⁸, а также отечественных ученых и исследователей Ю. Г. Лидерман³⁹, В. С. Дубиной и А. С. Завадского⁴⁰, Е. О. Труфановой⁴¹, В. А. Лекторского⁴², М. М. Федоровой⁴³, А. П. Романовой⁴⁴ и др.

Можно констатировать, что в современных исследованиях феномена Чужого недостаточное внимание уделено проблеме трансформации образа

---

²⁷ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.

²⁸ Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2016. 278 pp.

²⁹ Никитин Г. М. Феноменологическая модель познания социальной реальности в неклассической социальной философии // Дискуссия. 2012. № 1. С. 20–26.

³⁰ Цветков Е. В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Цветков Евгений Викторович. Архангельск, 2009. 203 с.

³¹ Еланская С. Н. Социально-философский анализ советского кинематографа как средства конструирования социальной реальности: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Еланская Светлана Николаевна. Тверь, 2007. 213 с.

³² Дуреев С. П., Дуреева Н. С. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 3 (385). С. 21–25.

³³ ИONOVA О. Е. Конструирование социальной реальности в теории координированного управления смыслообразованием // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13). С. 130–135.

³⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

³⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.; Ассман А. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

³⁶ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

³⁷ Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

³⁸ Бойм С. Будущее ностальгии / перевод с английского Александр Стругач. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.

³⁹ Лидерман Ю. Г. В сторону травмы. Как время приобретает качество «пост»? // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии: доклады участников XVII международного симпозиума, Москва, 29–30 января 2010 года. Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2011. С. 522–533.

⁴⁰ Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под. Ред. А. С. Завадского, В. С. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.

⁴¹ Труфанова Е. О. Человек и его память в цифровизирующемся мире // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: «Философские науки». 2021. № 8 (454). Вып. 61. С. 30–38.

⁴² Лекторский В. А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 11–17.

⁴³ Федорова М. М. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи / М. М. Федорова, А. П. Романова // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 9 (95). С. 23.

⁴⁴ Романова А. П. «Советская ностальгия» несветского цифрового поколения / А. П. Романова, М. М. Федорова // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 1. С. 6–18.

Чужого как процесса, в котором выражаются интенции развития общества, в частности, вычлняемые в границах постсоветского пространства. Несмотря на то, что работ, посвящённых изучению проблемы Чужого, достаточно, вне поля зрения остается существенный аспект данной проблемы – изменение вектора восприятия Своего-Чужого в постсоветской социальной реальности.

Объект исследования – образ Чужого в социальной реальности постсоветского пространства.

Предмет исследования – векторы трансформации образа Чужого в постсоветском социуме.

Цель диссертационного исследования: выявить факторы, определяющие тенденции и векторы процесса трансформации образа Чужого в условиях постсоветской социальной реальности.

Задачи диссертационного исследования:

— рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к пониманию образов Свой-Другой-Чужой в научном дискурсе;

— концептуализировать понятия «советской» и «постсоветской» социальной реальности;

— выявить основные образы Чужого в советской культуре и их маркеры;

— охарактеризовать амбивалентность конфликтного социокультурного поля постсоветского пространства;

— выявить основные образы и маркеры Чужого в культуре постсоветского пространства;

— определить динамику изменений образов Своего и Чужого в межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве Каспийского макрорегиона.

Теоретические и методологические основы исследования. Сложность объекта изучения, обусловленная пониманием важности интеграции целого ряда научных подходов к исследуемой проблеме, для получения максимально объективных результатов предполагает применение комплексного подхода в исследовании. Учитывая тот факт, что проблема образов Своего, Другого и Чужого анализировалась в рамках многих теорий и дисциплин, будет использован комплексный подход к анализу трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве.

В основе методологии диссертационного исследования заложен междисциплинарный подход, позволяющий вычлнить феномен Чужого в сечениях политических, культурных и социальных процессов. Взаимосвязь этих процессов, отражающая комплексный и системный характер трансформации образа Чужого в постсоветском социуме, выявляется посредством обращения к инструментарию феноменологии. Феноменологическая рефлексия, осуществляемая как деконструкция сформировавшихся в советское и постсоветское время образов Чужого, позволяет вычлнить как результат системной трансформации, так и сам процесс. С этой целью феноменологический метод используется как метод исследования процессов и явлений «жизненного мира», реализуемый в рамках подхода Э. Гуссерля.

Для определения трансформации и факторов формирования отношения к Чужому на постсоветском пространстве используются методы социально-философского анализа и фокус-группового исследования.

Содержательно логика и структура диссертационного исследования строится следующим образом: от описания основных способов концептуализации образов Своего и Чужого в советскую эпоху до перехода к анализу сущности образа Чужого в постсоветском социуме как репрезентации новых социальных реалий.

В диссертации используются эмпирические данные, собранные в рамках исследовательского проекта при поддержке РФФИ конкурса «Аспиранты», № 19-311-90034 «Трансформация образа Чужого в культуре постсоветского пространства Каспийского макрорегиона».

Научная новизна исследования состоит в следующем:

— репрезентированные в научной литературе концепции Чужого рассмотрены как основа для комплексного социально-философского анализа образа Чужого;

— концептуально выявлена взаимосвязь понятий «советская социальная реальность» и «постсоветская социальная реальность», отражающая динамику общественных процессов;

— предложена репрезентативная в отношении трансформации типология образов внутреннего и внешнего Чужого в советском и постсоветском социуме;

— выявлены амбивалентные характеристики культурного поля постсоветского пространства;

— показаны основные векторы трансформации образов Чужого в постсоветском социуме;

— обоснована специфика образов Своего и Чужого в межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве Каспийского макрорегиона.

Положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Репрезентируя процессы формирования образа Чужого и трансформации этого образа, дискурс Свой-Чужой становится маркером социального изменения, а траектория трансформаций образа Чужого – зеркалом проблем в социальной сфере жизни общества в ее коммуникативном срезе, в аспекте восприятия Другого.

2. Понятие «постсоветский», не являясь частью бинарной оппозиции, тем не менее не может быть концептуализировано в отрыве от понятия «советский», поскольку постсоветская социальная реальность до сих пор включает в себя бэкграунд элементов советской культуры. Под постсоветской социальной реальностью мы понимаем социокультурное поле, сформированное общей коллективной памятью советской эпохи.

3. Символический образ «советский человек» как генерализированный Свой есть основа для типологии, разделяющей образы Чужого на внутренние и внешние. К внешним относятся «буржуй» «капиталист», иностранец и т.д., к внутренним - «враг народа», «поп», «интеллигент», «тунеядец», «стиляга» и.д., акцентуированные вестиментарными, алиментарными, конфессиональными и иными маркерами.

4. Социум постсоветского пространства не является гомогенным, поскольку факторы его формирования изначально поливариантны, в настоящий момент он является синтезом «советского» и основных трендов современности. Советское прошлое и культурные паттерны эпохи СССР определяются как Другое в силу взаимной зависимости «советского» и «постсоветского», преемственности между советским прошлым и российским настоящим.

5. В постсоветском пространстве векторы трансформации образа Чужого обусловлены диахронными характеристиками. До 2000 г. это преимущественно внутренний Чужой: «коммуняка», «новый русский», «кидала», «мажор», – как

реакция на политический и экономический хаос в стране. После 2000 г. акцент смещается на внешнего Чужого: террористы, «гастарбайтеры», «санкционеры», – как реакция на внешние вызовы социуму. Образ советского человека и его положение в категориальной цепочке Свой-Другой-Чужой-Враг-Монстр находится в промежуточной позиции между Свой и Другой. Социальные и политические события последних трех лет (пандемия коронавирусной инфекции, январские события 2022 г. в Казахстане, специальная военная операция на Украине) породили новые, ситуативные маркеры и образы Чужого.

6. В силу неоднородности постсоветского пространства отношения Свой-Чужой в разных географических точках неодинаковы. Каспийский макрорегион наиболее репрезентативен, поскольку на его территории сосредоточена значительная часть новых государственных образований с общим советским прошлым. Модель отношений здесь наиболее амбивалентна, поскольку, с одной стороны, бывшие Свои становятся статусно Чужими, с другой стороны, коллективная память и этнические взаимосвязи внутри региона позволяют воспринимать его если и не как Своего, то как Иного, Другого. Однако с появлением цифрового поколения факторы вариативности отношений меняются под влиянием виртуального пространства, религиозный и этнический компоненты замещаются личностными.

Теоретическая значимость работы заключается в концептуализации особенностей трансформации образа Чужого в постсоветской социальной реальности, что позволяет определить дальнейшие направления изучения специфики межкультурной коммуникации и формируемой культурной памяти у молодого постсоветского поколения.

Практическая значимость работы связана с тем, что выводы, сделанные в диссертации, значимы для государственных структур, ответственных за проведение образовательной и молодёжной политики в стране и Прикаспийском регионе. Результаты данной работы могут быть использованы в общих курсах по социальной философии и философии культуры, антропологии и социологии культуры, а также для разработки курсов по семиотике культуры, визуальной культуре, теории межкультурных коммуникаций. Систематизированный материал, а также полученные в ходе анализа выводы могут стать базой для дальнейшей научно-исследовательской работы. Исследование новых вариаций

образа Чужого привнесет новые перспективы в концепцию социетальной безопасности.

Апробация полученных результатов исследования.

Основные положения диссертации отражены в 12 научных публикациях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в изданиях, входящих в Перечень ВАК, 2 публикации – в журналах, индексируемых в международной базе данных Web of Science, также в 12 докладах на всероссийских и международных конференциях, конгрессах: Международный научный форум «Каспий 2022: пути устойчивого развития» (Астрахань, 2022 год), Лекторий лидеров Совета молодых ученых и специалистов АГУ (Астрахань, 2022 год), International Winter School «Debating Points of International and Regional Security» (Краснодар, 2022 год), Конгресс молодых ученых (Сочи, 2021 год), Всероссийская мастерская молодых ученых ReThink (Москва, 2021 год), Erasmus Days: Челлендж-Конкурс «Устойчивое развитие и безопасность в прикаспийском регионе» (Астрахань, 2021 год), Международная научно-практическая конференция «Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона» (Астрахань, 2021 год), Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества» (Краснодар, 2020 год), Всероссийская научная конференция с международным участием «Астраханские Петровские чтения» (Астрахань, 2019 год), Всероссийская (национальная) научная конференция «Актуальные проблемы современного общества» (Орел, 2019 год), Молодёжный научно-просветительский проект «Мир Кавказу» и молодёжный научно-просветительский форум «Кавказ в орбите международных отношений» (Ростов-на-Дону, 2018-2019 гг.), Международный конгресс «Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете» (Астрахань, 2017 год).

Структура диссертации определяется целью и поставленными задачами и включает введение, 2 главы, заключение, библиографический список. Общий объем диссертации составляет 147 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень её изученности, определяются цель и задачи исследования; характеризуются источниковая, теоретическая и методологическая база, хронологические и территориальные рамки исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; представлены положения, выносимые на защиту, показана степень достоверности и апробация результатов, перечислены публикации по теме диссертации, объём и структура работы.

Первая глава **«Проблема отношения Свой-Чужой в системе социально-философского знания: теоретико-методологический анализ»** посвящена исследованию теоретических концептов понятий Свой и Чужой, в ней дан критический анализ зарубежной и отечественной литературы по теме диссертации, показана эволюция подходов к проблеме бинарной оппозиции Свой-Чужой, выявлению их сущности и противоречий.

В параграфе 1.1. **«Основные подходы к пониманию образов Своего, Другого и Чужого в научном дискурсе»** содержится анализ основных подходов к пониманию образов Своего, Другого и Чужого. В философском дискурсе проблема Чужого появляется ещё в античности, в диалоге Платона «Софист», где она обретает соответствующую времени концептуализацию. В эпоху Просвещения (Вольтер «Простодушный», Ш. Монтескье «Персидские письма») образ Чужого приобретает конструктивные черты, но как определенный подход к проблеме складывается уже в новейшее время. Его можно назвать феноменологией Чужого. Основы этого подхода заложены в «Феноменологии духа» Гегеля, когда два мыслящих субъекта «Я» и «Другой» становятся двумя полюсами бинарной оппозиции, в основе которой лежит инаковость, антагонизм, борьба. Феноменологическое направление представлено работами Э. Гуссерля «Картезианские размышления», Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», Э. Левинаса «Время и Другой», П. Рикера «Я-сам как другой», Б. Вальденфельса «Мотив Чужого» и др. В основе феноменологического дискурса лежит прежде всего Другой и его сосуществование, осмысление, определение через отношение к Я.

В XX веке от онтологической и эпистемологической проблематики начинается отход в сторону социальной концептуализации проблемы.

Появляются работы Г. Зиммеля и А. Шютца под одноимёнными названиями «Чужой», но с дистанцией почти в полвека. Здесь основной акцент делается на социальных аспектах проблемы, таких как взаимоотношения между группами Своих и Чужих у А. Шютца или теории понимания Г. Зиммеля. Особого внимания заслуживает концепция Г. Зиммеля. Он является одним из первых исследователей, определивших феномен «чуждости». Согласно его теории, осознание единства у общности возможно только через понимание взаимодействия в этом единстве с другими.

Согласно концепции американского философа и социолога Дж. Г. Мида, формирование у индивида представления о Я возникает из социального взаимодействия, важнейшей особенностью которого признается способность человека принимать на себя роль другого, представлять себе (ощущать), как его воспринимает партнер по общению (или группа).

Отечественные исследователи внесли свой вклад в развитие научного дискурса о Чужом. В филологическом аспекте проблему Чужого рассматривали М. М. Бахтин, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. Н. Серебренникова и другие; в политическом дискурсе – Н. Н. Крадин, Е. В. Морозова и другие; в культурно-антропологическом аспекте – О. А. Довгополова, Е. С. Сенявская, С. Н. Якушенков и другие. Так, антрополог С. Н. Якушенков выделяет как маркеры Чужого набор алиментарных, вестиментарных, языковых, сексуальных и других характеристик, что позволяет производить сравнительный анализ Чужого как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Новые социальные реалии, такие как пандемия, привносят новые модели Чужого с новыми маркерами (вакцинированный, зараженный и т. д.), их изучением занимаются молодые астраханские исследователи.

Историческое содержание бинарных оппозиций Я-Другой, Мы-Они, Свой-Чужой, связанных с процессами конструирования идентичности, имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики формирующего их социума. Процесс формирования данных понятий динамичен и социально обусловлен характеристикой эпохи, социокультурного пространства и вектором его развития. Новые направления исследования данной проблематики возможны на пересечении различных подходов.

Анализ понятий «советского» и «постсоветского» пространства, их сущность рассматриваются в параграфе 1.2. **«Советская и постсоветская социальная реальность как поле для исследования образа Чужого: концептуализация понятий»**, где раскрываются особенности генезиса и устройства «советского» и «постсоветского» социума.

Постсоветская социальная реальность является заданным нами полем для исследования характера трансформации образов Своего и Чужого, анализ которого невозможен без обращения к понятию «советского». Исследователями подчеркивается, что понятие «советское» неоднородно. К примеру, «советское» 30-х годов и «советское» 60-х годов XX в. отличны по ценностным ориентациям и коллективным практикам. В публицистическом дискурсе «советское» в негативной коннотации заменяется термином «совок», который встречается в работах А. Гениса, П. Вайля, М. Эпштейна, Н. Н. Козловой. «Советское» в научных концепциях описывается как многообразный феномен, включающий в себя особый политический режим и технологии властвования, определенную идеологию формирования «советского человека».

Термин «постсоветское пространство» был введен в научный оборот А. Прусаускасом и имел преимущественно негативные коннотации. В данной работе мы используем феноменологический подход, рассматривая его как культурное пространство стран бывших советских республик, долгое время развивавшихся в русле общей идеологии, имеющих признаваемую совместную историю, культурные паттерны и т. д.

В политическом и социально-культурном дискурсах существуют две кардинально противоположные точки зрения на перспективы использования данного термина. Исследователи А. Малашенко, Л. Андрусенко и А. Суздальцев считают, что его использование нецелесообразно. А. Г. Дугин, наоборот, считает, что постсоветское пространство полиструктурно и может рассматриваться: как постсоветская реальность; в некоторых случаях как площадка для глобализации и вестернизации; как тренд, заключающийся в формировании на территории бывшего СССР Евразийского Союза (ЕАС), воссоздаваемого на цивилизационной идентичности и традиционных ценностях.

Как «советское», так и «постсоветское пространство» постепенно из реальности перетекает в поле коллективной исторической и культурной памяти.

Социальная реальность постсоветского пространства характеризуется кризисом коллективной идентичности, где синтезированы общемировые тренды социокультурного развития и ностальгические настроения по советской эпохе. «Советское» репрезентуется в постсоветской социальной реальности как в научном дискурсе, так и медиаформате и транслируется главным образом массовой культурой.

Исторические травмы транзитной эпохи «постсоветского» оставляют свой след и воплощаются в культуре человека, его сознании не только в системе отношений Я-культура, но и в отношениях Свой-Другой-Чужой. В условиях постоянной социально-культурной трансформации расширяется область восприятия себя и других, где сознание и окружающее пространство отражают диалектику исторического прошлого и современности. Советское бытие стало к сегодняшнему моменту прошлым, удаленным настолько, чтобы, с одной стороны, быть предметом научного анализа, а с другой – чтобы стать объектом коллективных представлений, мифологизации и ностальгирования. За десятилетия раздельного существования на территории России и бывших советских республик появились новые поколения граждан, чья социализация и инкультурация развивались иначе под воздействием глобализации, дигитализации и новой политической идеологии, что формирует у представителей нового поколения отношение друг к другу не как к бывшим соотечественникам, а как к представителям иностранных государств. При этом последние политические события показали, что в определенных случаях происходит возврат к понятиям и культурным смыслам советского прошлого. Следует обратить более пристальное внимание на понятие «несоветского» пространства и свойственной ему социальной реальности (В. Л. Каганский, С. С. Неретина, Д. Б. Казаринова и Н. А. Дунамалян). Данное понятие не надо путать с термином «неосоветизм», имеющим явно негативную коннотацию (А. А. Широпаев, Д. В. Завольский, М. Камински).

В параграфе 1.3. **«Образ Чужого в советской социальной реальности»** показано, что образ Чужого формируется под влиянием множества социокультурных факторов: социального устройства общества, идеологии, культурного ландшафта и т. д., накладывающих особый отпечаток на его восприятие. Советские реалии формируют устойчивые бинарные оппозиции

Свой-Чужой, превращающиеся в стереотипы, наиболее выпукло представлены в визуальной культуре. В бинарной оппозиции в основе образа Своего лежит усредненный образ «советского человека», с которым так или иначе сопоставляются все образы Чужого, характерные для советского времени. Образы Чужого превращаются в трансформирующиеся со временем культурные стереотипы.

Проанализировав символические образы, представленные в массовой советской визуальной культуре (плакатное искусство, карикатура, обложки журналов, сатирические киноролики и т.п.) в силу их наибольшей наглядности и тиражируемости, мы типологизировали образ Чужого в советской культуре как внешний Чужой («буржуй», «капиталист», иностранец, милитарист) и внутренний Чужой («враг народа», «поп», «интеллигент», «тунеядец», «стиляга») в их исторической динамике. На основе анализа мы выделили основные маркеры каждого из образов в алиментарной, вестиментарной, сексуальной, языковой, религиозной, коммуникативной сферах и получили усредненный образ советского Чужого, с которым в дальнейшем будем сравнивать все трансформации образа Чужого в постсоветском обществе.

С позиции советского человека любой из перечисленных образов опасен, поскольку он покушается на наше пространство – как географическое, так и социокультурное. Важную роль в восприятии образа Чужого играют топологические факторы: близость/пограничность/дальность.

Вторая глава **«Динамика изменений образа Чужого в современной России»** затрагивает трансформацию образа Чужого в постсоветском социуме, в ней учтён фактор исторической преемственности в сохранении и трансляции общечеловеческих ценностей, а значит и формирования идентичности. Специфика культурного поля на постсоветском пространстве представлена в параграфе 2.1. **«Амбивалентное культурное поле постсоветского социума»**. В параграфе показано, что социальное постсоветское пространство не является единым и гомогенным феноменом, поскольку факторы его формирования изначально амбивалентны. С одной стороны, оно сформировано теми традициями, которые были заложены советским периодом развития общества, социальным и культурным опытом сосуществования пятнадцати союзных республик и базовой тенденцией формирования единой общности – советский

народ. С другой стороны, после распада СССР социальное пространство России трансформируется, сужается, поскольку теряет этнокультурные ландшафты ряда бывших союзных республик. В нем начинает доминировать ориентация на западные стандарты, происходит конструирование новых национальных и иных социальных идентичностей. Культурные сигнификаты разного порядка стали приобретать открыто этническую и конфессиональную окраску, ранее не характерную для советского общества. Однако определенные сегменты социума продолжают оставаться под влиянием социалистического прошлого и окрашены ностальгическими эмоциями.

Для постсоветского социума характерен кризис коллективной идентичности еще и в силу того, что он представляет собой синтез «советского» и трендов современности. Массовая культура, хранящая в себе «советские» практики, становится проводником в восстановлении преемственности между советским прошлым и постсоветским настоящим. Медийная интернет-реальность постсоветского пространства позволяет постсоветскому поколению воспользоваться советским культурным инструментарием. Советское прошлое и культурные паттерны эпохи определяются в качестве Другого в силу взаимной зависимости «советского» и «постсоветского», преемственности между советским прошлым и российским настоящим. Реинтерпретация «советского» и его смыслов происходит посредством наполнения постсоветской действительности воспоминаниями. Идеализация советской эпохи и акцентуация коллективного сознания на ее положительных моментах нейтрализует отрицательные характеристики «советского» Чужого, превращая его в Иного. Личное транзитное прикосновение к эпохе через воспоминания старшего поколения придает молодежи чувство уверенности в своей защищенности, посредством проекции своего Я в коллективное Мы советской эпохи, которая тем самым превращается в гарант смягчения деструктивных потоков современности, как в ситуации с пандемией. Ностальгическое культурное поле превращает советского Чужого в Другого, а его ранее актуальные образы – в гротескные метафоры.

Параграф 2.2. **«Основные характеристики образов постсоветского Чужого»** посвящен выявлению путей трансформации основных характеристик образа Чужого в постсоветское время. Процесс трансформации образа Чужого

диахронен и зависит от совокупных социумных характеристик периода появления того или иного образа.

В момент распада Советского союза произошел резкий всплеск интереса к западному (чаще американскому) обществу и его романтизация. Стремление к полному разрушению советских ценностей и идеологии, продолжающееся до начала 2000-х, привело к кардинальной смене вектора отношения к Чужому. Чужой стал наделяться всеми характеристиками, принадлежавшими ранее советскому человеку – носителю коммунистических идеалов и ценностей. Это нашло отражение в массовой культуре, в том числе вербальной. Происходит трансформация устоявшихся понятий, приобретающих негативный оттенок: «коммунист»-«коммуняка», «пионер»-«новичок». Старые негативные коннотации – «капиталист», «империалист», «буржуй» и т. д. – исчезают вместе с терминами. Советские Свои становятся постсоветскими Чужими – частично внешними, частично внутренними (как следствие неединовременного разрушения советского).

«Лихие девяностые» с их криминальным антуражем формируют новые образы Чужого для основной массы обнищавшего на тот момент населения: «новые русские», «разводилы», «мажоры», «крутые», основной приметой, вестиментарным маркером которых становятся «малиновые пиджаки», золотые цепи и кресты, 600-е мерседесы и т. д. Они репрезентируют внутреннего Чужого. «Чужой мир» эпохи 90-х воспринимается как полное воплощение хаоса и беспредела.

Начиная с нового тысячелетия, некоторая нормализация и стабилизация внутренней жизни в РФ выводит на первый план образ «внешнего Чужого», появляющегося в ответ на новые жизненные реалии. Это связано с активизацией террористической деятельности на территории РФ (2002 г. – теракт на Дубровке; 2004 г. – захват школы в Беслане; 2010 г. – теракты в Московском метро; 2013 г. – теракты в Волгограде). Распространение псевдоисламского терроризма и активная борьба с ним превращают Чужого во Врага, угрожающего безопасности россиян.

Это «исламисты», «шахиды», «шахидки», «террористы», наделенные четкими вестиментарными характеристиками: восточная внешность, хиджаб или никаб, борода, тубетейки, а также обязательным конфессиональным маркером –

исламским фундаментализмом и экстремизмом. Ещё одна линейка образов внешнего Чужого возникает в российском социуме после активизации того или иного внешнего конфликта: военного конфликта Грузии с Северной Осетией 2008 г., конфликта с Украиной после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., когда западное общество вновь воспринимается негативно как в роли инициаторов цветных революций, так и в роли «санкционеров».

С течением времени, когда активная внешняя и внутренняя миграция начинает менять этнический состав и образ жизни российских мегаполисов, появляется ещё один образ Чужого – гастарбайтера, находящегося на стыке внутреннего и внешнего Чужого. Его основным маркером становится этническая принадлежность, сопровождаемая алиментарными, вестиментарными, вербальными характеристиками. Образ был закреплён в популярном российском телешоу «Наша Russia» героями Равшаном и Джамшудом.

Таким образом, мы видим несколько векторов трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве: на разных этапах на первый план выходят внутренние или внешние Чужие, исчезает серия классических образов, с образом Чужого происходит идеологическая инверсия – бывшие Свои становятся Чужими.

В последние годы быстротекущая и трансформирующаяся современность (пандемия, конспирологическая истерия, резкая поляризация мира, глобальная экологическая повестка и эсхатологические дискурсы и т. д.) порождает ситуативные образы Чужого и новые маркеры его идентификации: вакцинированный-невакцинированный, советский-западный, либеральный, русский-украинец как педалирование этничности и т. д. И одновременно происходит частичная диффузия Своего и Чужого за счет расширившихся возможностей в связи с глобальной цифровизацией общества.

В параграфе 2.3. **«Динамика трансформации образов Своего, Чужого в межкультурной коммуникации Каспийского социума»** выявлена специфика трансформации образов Своего и Чужого в Каспийском макрорегионе, а также их последующее влияние на межкультурную коммуникацию. Каспийский регион является уникальной площадкой для исследования, поскольку именно на постсоветском пространстве эта территория резко меняет свой статус, превратившись из бывшей советской территории в конгломерат самостоятельных

государств. Именно здесь наиболее наглядно проявляется инверсия: бывшие Свои становятся статусно Чужими, иностранцами. Этнические и конфессиональные характеристики превращаются в главные маркеры. Однако достаточно долго хаотическая неопределённость 90-х, отсутствие виз, наличие СНГ и общая история, общее советское прошлое и язык позволяют воспринимать этот образ скорее как Другого, нежели как Чужого. Это связано также с тем, что ещё со времен Российской Империи на этой территории произошла этническая диффузия, и на данный момент практически каждый этнос данной территории представлен как Своими, соотечественниками, так и Чужими, иностранцами, бывшими соотечественниками. В данном случае появляются предпосылки появления макрорегиональной Каспийской идентичности.

Современное поколение жителей Каспийского макрорегиона, будучи цифровым поколением, в период социальной стабильности строит новую модель взаимоотношения Свой-Чужой на основе нового веб-пространства, трансформируя образы Своих и Чужих, меняя их основные характеристики и отношение к ним. Существующий негативный образ «гастарбайтера» из Прикаспийских стран смягчается, общение на дистанте, в мессенджерах позволяет обходить острые углы этнической и конфессиональной специфики. Проведённые нами социологические исследования показали, что основой действия в рамках отношения Свой-Чужой становится принцип «Чужой не хуже/лучше нас». Данная характеристика, влияющая на построение образов Своих и Чужих, не содержит призыв к актуализации и популяризации образа Врага. Межкультурная коммуникация строится на уровне конструктивного диалога. Следует отметить, что данная модель реализуется на повседневном, бытовом уровне общения представителей сообществ, тогда как на экономическом и политическом уровнях сохраняется влияние традиционной модели отношений между Своим и Чужим. Молодое постсоветское поколение в межкультурной коммуникации при стабильном социуме более терпимо к географическому, этническому, религиозному факторам, разделяющим Своих и Чужих. Самобытность становится основой для реализации культурного плюрализма на постсоветском пространстве. Межкультурная коммуникация, проявления стереотипов соответствуют постсоветским тенденциям, однако имеют региональную специфику. Следует отметить, что упомянутая модель,

базирующаяся на принципе «Чужой не хуже/лучше нас», перестает быть основополагающей в настоящее время. Социальные и политические события последних трех лет (пандемия коронавирусной инфекции, январские события 2022 г. в Казахстане, специальная военная операция на Украине) породили новые, ситуативные маркеры и образы Чужого. Ситуация общественной и политической нестабильности в соседних странах усиливает не только стереотипные установки, но и порождает националистические настроения, ксенофобию. Преступления ненависти – расистские и неонацистские нападения на граждан, информационная война, гонения мигрантов и этнических чужаков – становятся ключевыми факторами влияния, приводящими к демонизации образа Чужого. Идеологический и этнический Чужой становятся угрозой социальным институтам. Адресатами экстремистского дискурса восприятия Чужого становятся как Свои, так и Враги, в сторону которых направлено экстремистское взаимодействие. Чужой, носящий ранее скорее символическую, нежели реальную угрозу, становится объектом активных призывов к противостоянию.

В **Заключении** диссертации обобщены результаты и подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, получен ответ на исследовательский вопрос: каковы векторы изменения образа Чужого в постсоветском социуме. Менталитет и система коллективных представлений граждан, выросших на постсоветском пространстве, наполнили особым содержанием отношение Свой-Чужой. В стабильном социуме представители молодого постсоветского поколения делают упор на личном, локальном восприятии происходящего и личной, субъективной характеристике общества. По мере исторического отдаления от советской эпохи образы Своего и Чужого трансформируются под влиянием полярных политических и социокультурных интерпретаций в российском и западном социумах. Образ Чужого ассоциировался с крайней, экстремальной формой чужести, такой как терроризм и т. д. Однако, как показывают последние социально-политические события, в кризисных ситуациях происходит возврат к историческим и этническим образам Чужого, переходящим в образ Врага, Монстра.

В работе также намечены пути дальнейшего исследования изменений образов Чужого на постсоветском пространстве и их влияния на социально-коммуникативный ландшафт Каспийского макрорегиона.

Публикации по теме диссертации:

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 12 работах общим объемом 5,01 п.л.; личный вклад автора составляет 4,5 п.л.

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень рекомендованных ВАК РФ:

1. Холова Л. А. Формы отражения ностальгии по советской эпохе в интернет-пространстве // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Том 6 (72). – № 1. – С. 86–93. (0,56 п.л.)

2. Холова Л. А. Специфика трансформации института семьи на постсоветском пространстве // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2019. – № 4. – С. 95–103. / в соавт. Топчиев М. С. (0,62 п.л. / 0,43 п.л.)

3. Холова Л. А. Религиозная идентичность в интернет-пространстве: социокультурный аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 4. – С. 165–170. (0,31 п.л.)

4. Холова Л. А. Чужой как монстр: образ России в западном дискурсе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 4. – С. 241–247. / в соавт. Романова А. П. (0,37 п.л. / 0,31 п.л.)

Статьи, опубликованные журналах, индексируемых в международных базах данных:

1. Kholova, L. A. Images of the Soviet Era in the Perception of the Student Youth of the Post-Soviet Caspian Region // Journal of Frontier Studies. – 2022. – Vol. 7. – No 2 (26). – P. 146–164. DOI: 10.46539/jfs.v7i2.401. (1,18 п.л.)

2. Kholova Lyubov. Social And Cultural Phenomenon «Soviet» In The Post-Soviet Space // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. – 2020. – P. 523–529. (0,43 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

1. Холова Л. А. Перспективы и социокультурные основания региональной интеграции стран Прикаспия // Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Астрахань, 28–29 октября 2021 года. – Астрахань, 2021. – С. 82–87. (0,31 п.л.)
2. Холова Л. А. Влияние изменений в Конституции РФ на трансформацию отношений Свой/Чужой и культурную память // Политика развития в условиях цифровизации общества. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Краснодар, 2020. – С. 341–343. (0,18 п.л.)
3. Холова Л. А. Изменение поколенческих связей и передачи опыта на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы современного общества. Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции (17–18 июня 2019). – Орёл, 2019. – С. 240–243. (0,31 п.л.)
4. Холова Л. А. Трансформация этнической идентичности на постсоветском пространстве // Астраханские Петровские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Астрахань, 2019. – С. 228–320. (0,12 п.л.)
5. Холова Л. А. Внутренняя миграция через призму образов «Свой/Чужой» на Юге России» // Вестник Ереванского Университета: Социология. – 2018. – № 1 (25). – С. 14–22. / в соавт. Романова А. П., Топчиев М. С. (0,5 п.л. / 0,25 п.л.)
6. Холова Л. А. Элита и эрзац-элита: Чужой среди своих // Сборник Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете. Материалы Международного конгресса. – Астрахань, 2017. – С. 333–335. (0,12 п.л.)